

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

НАСТОЯЩИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

*Собрание лучших
историй*

Москва

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н32

Перевод с английского

Художественное оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Зарубежная классика»

В оформлении переплета использованы
репродукции работ художников
Энрике Симоне, Поля Бодри и Эдуарда фон Грютцнера

Н32 **Настоящий** английский детектив : собрание лучших историй : [перевод с английского]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-04-093311-2 (Зарубежная классика)

ISBN 978-5-04-093312-9 (Всемирная литература)

Настоящие английские джентльмены расследуют настоящие английские преступления — классика детективного жанра. Занимательные истории с увлекательным сюжетом, неподражаемым английским юмором и элементами притчи — настоящее удовольствие для любителей детектива.

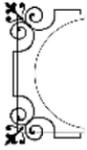
Изоощренный ум и безупречная логика непревзойденных мастеров расследований и сыска в захватывающих детективных историях Артура Конан Дойла, Гилберта Кийта Честертона и Чарльза Диккенса.

УДК 821.111-312.4

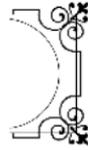
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-093311-2
ISBN 978-5-04-093312-9

© Савельев К., перевод на русский язык, 2018
© Вольпин Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2018
© Гурова И., перевод на русский язык.
Наследник, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
(1812—1870)

СЫСКНАЯ ПОЛИЦИЯ

Мы отнюдь не из тех, кто свято верил в старую полицию с Боу-стрит. Сказать по правде, мы полагаем, что репутация у этих господ была дутая. Помимо того, что иные из них были людьми очень невысокой нравственности и слишком привыкли иметь дело с ворами и другими подонками, — в обществе они при каждом удобном случае напускали на себя таинственность и не в меру важничали. Неизменно находя поддержку в неспособных судьях, заботившихся об одном — как бы скрыть свое бессилие, и располагая перьями тогдашних борзописцев, они сделались героями легенды. И хотя там, где требовалось предотвратить преступление, полиция всегда оказывалась совершенно беспомощной, а в деле сыска — распушенной, ненадежной и неповоротливой, многие по сей день верят в эту легенду о ней.

С другой стороны, силы сыска, организованные вместе с учреждением новой полиции, так хорошо подобраны и вышколены, действуют так методически и так несуетливо, ведут расследование с таким профессиональным умением и всегда так неуклонно и спокойно несут свою службу обществу, что, в сущности, общество знает о них слишком мало, — ему неизвестна и десятая доля той пользы, какую они ему приносят. Придя к такому убеждению и пожелав познакомиться ближе с этими людьми, мы обратились к

начальству Скотленд-Ярда с просьбой предоставить нам возможность, если это не вызовет возражений по официальной линии, побеседовать с сыщиками. Нам охотно и любезно пошли навстречу, и мы с неким инспектором наметили на некий вечер дружеское собеседование между нами и группой сыщиков в редакции «Домашнего чтения» на Веллингтон-стрит в Лондоне, близ Стрэнда. Так, согласно договоренности, состоялась встреча, которую мы и намерены здесь описать. Позволим себе заметить, что, хотя мы обойдем молчанием такие предметы, которых в печати лучше не касаться, поскольку это, по понятным причинам, могло бы оказаться вредным для общества или неприятным для иных уважаемых лиц, мы постараемся сделать свое описание со всею возможной точностью.

Пусть читатель сам вообразит себе святая святых «Домашнего чтения». Что вернее всего отвечает фантазии читателя, то и представит вернее всего эту великолепную комнату. Условимся только, что посередине стоит круглый стол и на нем — стаканы и сигары; а между этим внушительным столом и стеной уютно пристроился редакционный диван.

Душный вечер; смеркается. Камни Веллингтон-стрит горячи и пыльны, извозчики и конюхи у театра напротив сидят разморенные, красные. Экипажи непрестанно высаживают людей, прибывших в волшебное царство; и то и дело мощный рев или окрик на мгновение оглушает нас, врываясь в раскрытые окна.

Как только стемнело, нам доложили, что пришли инспекторы Уилд и Стокер; впрочем, оговорим: мы не ручаемся за правильность написания ни одного из называемых здесь имен. Инспектор Уилд представляет нам инспектора Стокера. Инспектор Уилд — мужчина средних лет, осанистый, с большими, влажными, умными глазами и сиплым голосом; у него манера в подкрепление своих слов выставлять толстенный указательный палец, держа его все время на уровне глаз или носа. Инспектор Стокер — хитрый, трезвого ума шотландец, внешним видом несколько напоминающий очень проницательного и безусловно

вышколенного наставника из Педагогического училища в Глазго. Инспектора Уилда вы, пожалуй, могли бы принять за то, что он есть, инспектора Стокера — никогда.

Обряд приветствий закончен. Инспекторы Уилд и Стокер докладывают нам, что привели с собой нескольких сержантов. Идет представление сержантов — их пятеро: сержант Дорнтон, сержант Уитчем, сержант Мит, сержант Фендолл и сержант Строу. Перед нами все сыщики Скотленд-Ярда в полном составе, за одним исключением. Они садятся полукругом (по одному инспектору с двух концов), поодаль от круглого стола, лицом к редакционному дивану. Каждый из них одним взглядом сразу делает для себя опись мебели и точный портрет редакторской особы. Редактор чувствует, что любой из этих джентльменов, если потребуется, без тени колебания сможет его задержать хоть через двадцать лет.

Все в партикулярном платье. Сержант Дорнтон, человек лет пятидесяти, с медным лицом и высоким загорелым лбом, судя по его виду, был в свое время сержантом армии — Уилки мог бы написать с него солдата в своем «Чтении завещания». Он славится умением упорно вести расследование индуктивным методом и, начав с ничтожных данных, возводить построение, от разгадки к разгадке, пока не возьмет человека в клещи. Сержант Уитчем, поменьше ростом и потолще, меченный оспой, с виду молчалив и задумчив — он как будто углубился в сложные арифметические подсчеты. Слывет знатоком «фасонной банды», то есть воров в шегольской одежде. Сержант Мит, гладколицый человек, со свежим ярким румянцем во всю щеку и удивительный с виду простака, известен как гроза домушников. Сержант Фендолл, светловолосый и учтивый, изысканный в разговоре, незаменим при ведении сыска по частным делам деликатного свойства. Сержант Строу — малорослый крепыш с мягкой повадкой и железной логикой; он постучит в дверь и начнет тихонько задавать вопросы, представляясь по заданию кем угодно, начиная от приютского мальчишки, и при этом взгляд у него будет младенчески невинный. Они все, как один,

производят впечатление очень приличных людей; людей безупречной выдержки и недюжинного ума; в манерах ни следа развязности или угодливости; сразу чувствуется в них наблюдательность, а когда к ним обратишься — быстрота соображения; и всегда их лица носят более или менее явственный отпечаток непрестанного и сильного умственного напряжения. У них у всех хорошие глаза; и все они умеют и любят, разговаривая с человеком, кто бы он ни был, смотреть ему прямо в лицо.

Мы предлагаем закурить и наполняем стаканы (к которым, надо сказать, прикладываются очень умеренно), и редактор, чтобы завязать беседу, делает дилетантское замечание насчет карманников в облиции джентльменов. Инспектор Уилд тотчас вынимает изо рта сигару и, поведя правой рукой, говорит:

— По части «фасонной банды», сэр, посоветую вам обратиться к сержанту Уитчему. А почему? Могу вам доложить: сержант Уитчем знаком с «фасонной бандой» как ни один другой полицейский офицер в Лондоне.

Наше сердце радостно забилося, когда мы увидели эту радугу на небе, и мы оборачиваемся к сержанту Уитчему, который сразу же очень четко, в точно подобранных словах принимается развивать предмет. Все его собратья с живейшим интересом следят за его речью, отмечая в то же время, как мы ее принимаем. Понемногу, когда представляется случай, они начинают, то тот, то другой, или двое сразу, добавлять кое-что от себя, и разговор становится общим. Но собратья вмешиваются только затем, чтобы поддержать друг друга, а не опровергнуть, — более братского содружества и быть не могло бы. От «фасонной банды» мы переходим к родственным темам: говорим о кражах со взломом, о торговле краденым, о домушниках и фармазонщиках, об одаренных юношах, подвигающихся в мелком воровстве, и о прочих специалистах. Мы отмечаем, пока нам все это раскрывается, что инспектор Стокер, шотландец, всегда точен и опирается на статистику, и когда встает вопрос о цифрах, все, как по сговору, замолкают и смотрят на него.

Перебрав все виды воровского искусства, — причем наши гости следили за обсуждением с неизменным глубоким вниманием, и только когда у театра через дорогу поднимался необычный шум, тот или другой из джентльменов за спиной у своего ближайшего соседа поглядывал в ту сторону в окно, — мы попросили просветить нас по ряду вопросов, как, например: вправду ли еще бывают в Лондоне случаи вооруженного грабежа — или, может быть, такому грабежу (вернее, тому, что названо в жалобе грабежом) обычно предшествуют некоторые обстоятельства, которые пострадавшей стороне неудобно раскрывать и которые заставляют совсем по-другому оценить взаимоотношения грабителя и ограбленного? Безусловно, так — почти всегда. Правда ли, что при ограблении частных домов, когда подозрение неизбежно падает на слуг, невинно заподозренный всем поведением и повадкой бывает так похож на виновного, что и опытный сыщик должен выносить свое суждение очень осторожно? Да, несомненно. При таких обстоятельствах обычно нет ничего обманчивей первого впечатления. Когда в общественных увеселительных местах вор узнает сыщика или же сыщик вора — хотя ранее они были друг другу незнакомы, — что позволяет им распознать друг друга? Должно быть, при любом переодевании в человеке все же ощущается, что он невнимателен к происходящему вокруг и что пришел он сюда не повеселиться, а ради своей особой цели? Совершенно верно, так и узнают. Разумно или бессмысленно верить тем версиям о похождениях воров, какие слагаются по собственным их рассказам в тюрьмах, исправительных домах или где-нибудь еще? Вообще говоря, нет ничего более нелепого. Ложь — их привычка и промысел; они всегда, — даже когда не ждут от этого выгоды и когда им ни к чему вас обольщать, — скорей соврут, чем скажут правду.

От этих тем мы незаметно переходим к самым знаменитым и страшным из крупных преступлений, совершенных за последние пятнадцать-двадцать лет. Перед нами люди, принимавшие участие в раскрытии чуть ли не всех убийств, вплоть до совсем недавнего, и в преследовании

и поимке убийц. Один из наших гостей сумел нагнать пароход с переселенцами и взойти на его борт, полагая, что с ним отплыла из Англии преступница — та, что недавно повешена в Лондоне за убийство. Мы узнали от него, что пассажиров не оповестили о его задании и они, должно быть, по сей час ничего не подозревают о том; что он сошел вниз с капитаном, державшим фонарь, — потому что было темно и в третьем классе морская болезнь всех уложила в койки, — завязал разговор с тою миссис Мэннинг, которая в самом деле оказалась на борту, насчет ее багажа, и не без труда добился от нее, чтобы она подняла голову и повернулась лицом к свету. Убедившись, что это не та, кого он разыскивает, он спокойно пересел обратно на правительственный катер, стоявший борт о борт с пароходом, и поплыл домой с добытыми сведениями.

Когда мы исчерпали и эту тему, занявшую в нашей беседе изрядное время, двое-трое поднялись со стульев, пошептались с сержантом Уитчемом и снова уселись. Сержант Уитчем наклонился немного вперед и, упершись обеими руками в колени, скромно повел такую речь:

— Мои товарищи по службе просят меня рассказать маленькую историю о том, как я захватил Томпсона по прозвищу Улюлю. Не след бы человеку рассказывать о том, что он сделал сам; но все же, так как со мной никого не было и, стало быть, кроме меня, некому об этом рассказать, попробую, если не возражаете, сделать это, как могу.

Мы заверяем сержанта Уитчема, что он очень нас обяжет, и все располагаются слушать с большим интересом и вниманием.

— Томпсон-Улюлю, — говорит сержант Уитчем, чуть смочив губы громом, — Томпсон-Улюлю был знаменитый конокрад, барышник и плут. Томпсон вместе с одним жуликом, работавшим с ним от случая к случаю, вытянул у одного деревенского жителя кругленькую сумму под тем предлогом, что устроит его на должность — старая уловка! — а потом попал в полицейскую газету из-за лошади — лошади, которую он увел в Хартфордшире.

Я должен был выследить Томпсона и для начала, понятно, решил выяснить, где он пребывает. Жена Томпсона проживала с маленькой дочкой в Челси. Зная, что Томпсон в отъезде, я стал караулить возле дома, особенно по утрам, когда приносят почту, полагая, что Томпсон, по всей вероятности, переписывается с женой. И верно, однажды утром приходит почтальон и сдает письмо у дверей миссис Томпсон. Открывает ему маленькая девочка, принимает письмо. Мы не всегда полагаемся на почтальонов, хотя в почтовых конторах чиновники всегда очень к нам обязательны. Почтальон же — тот может и помочь, а может и нет, как когда. Как бы там ни было, я перехожу улицу и говорю почтальону, после того как он сдал письмо:

— Доброе утро, как поживаете?

— Спасибо, как вы? — отвечает он.

— Вы только что доставили письмо миссис Томпсон?

— Да, доставил.

— А не приметили вы случаем, какой на нем был штемпель?

— Нет, — говорит, — не приметил.

— Вот что, — говорю я, — буду я с вами откровенен. Я веду небольшую торговлишку и отпустил Томпсону кое-что в кредит; и не могу я того стерпеть, чтоб это у меня за ним пропало. Я знаю, что у него завелись деньги, и знаю, что он в отъезде, и если бы вы мне сказали, какой на письме штемпель, я был бы вам очень обязан, вы бы очень этим одолжили мелкого торговца, который разорится, если понесет потерю.

— Хорошо, — говорит он, — но, право же, я не посмотрел на штемпель. Знаю только, что в письмо были вложены деньги — по-моему, совершен.

Для меня этого было довольно, потому что я, конечно, знал, что, если Томпсон послал жене деньги, она, наверно, напишет Томпсону с обратной почтой, чтобы подтвердить получение. Так что я сказал почтальону «благодарю-де вас» и остался стоять на страже. Было за полдень, когда я увидел, как девочка вышла. Я, конечно, пошел за ней.

Она забежала в писчебумажную лавочку, и мне нет нужды вам говорить, что я подглядывал за нею в окно. Она купила почтовой бумаги, конвертов и перо. Я подумал про себя: «Идет как по маслу!» — проследил за нею до дому, а сам, уж будьте уверены, не ушел, так как знал, что миссис Томпсон пишет письмо своему Улюлю и что письмо вот-вот сдадут на почту. Примерно через час девочка вышла опять, на этот раз с письмом в руке. Я подошел и стал ей что-то говорить, неважно что; но адрес мне подглядеть не удалось, потому что она держала письмо печатью кверху. Однако же я заметил, что на оборотной стороне письма было то, что мы называем «поцелуйчиком» — капля сургуча около печати, — и опять, вы сами понимаете, для меня этого было довольно. Я проследил, как она сдавала письмо, подождал, когда она ушла, потом зашел в контору и сказал, что мне нужен начальник. Когда он вышел ко мне, я ему сказал, что я, мол, офицер сыскной полиции; что только что сюда было сдано письмо с «поцелуйчиком» для человека, которого я разыскиваю; а чего я от вас прошу? — только одного, чтобы вы мне разрешили посмотреть, куда оно адресовано. Он был очень любезен — вынул целую кучу писем из ящика под оконцем, рассыпал их по конторке обратной стороной кверху — и вот среди них нашлось то самое письмо с поцелуйчиком. На конверте значилось: «Мистеру Томасу Пиджону, Почтовая контора в Б..., до востребования». В тот же вечер поехал я в Б... (от Лондона — сто двадцать миль или около того). На другое утро, спозаранку, я отправился на почту; повидался с чиновником, в чьем ведении было это отделение; сказал ему, кто я такой и что моя задача — выследить, кто придет за письмом для мистера Пиджона. Он был со мной очень вежлив и сказал, что «вам-де будет оказано всяческое наше содействие; вы можете подождать внутри, в конторе; а мы позаботимся дать вам знать, когда кто-нибудь придет за письмом». Ну хорошо, я жду три дня и уже начинаю думать, что никто и не придет. Наконец клерк мне шепнул:

— Эге! Сыщик! Тут кто-то пришел за письмом!

— Задержите его на минутку, — сказал я, а сам вышел с заднего хода, обежал кругом и стал перед конторой. Тут я увидел молодого паренька, по виду конюха, державшего лошадь за поводья — поводья-то натянулись через весь тротуар, пока он ждал у почтовой конторы, чтобы ему подали в оконце письмо. Я стал похлопывать лошадь и всякое такое.

— А ведь это, — говорю я пареньку, — кобыла мистера Джонса!

— Нет, не его.

— Нет? — говорю я. — Очень она похожа на кобылу мистера Джонса!

— А все-таки она не мистера Джонса кобыла, — говорит он, — она мистера такого-то, из «Щита Варвика».

Вскочил и был таков — вместе с письмом! Нанял я коляску, взобрался на козлы и так быстро покатил вслед за ним, что я въезжаю во двор при «Щите Варвика» в одни ворота, а он тут же в другие. Зашел я в буфет, где прислуживала молодая женщина, и спросил стакан грогу. Тотчас же входит и он и вручает ей письмо. Она бегло взглянула и, ничего не сказав, сунула письмо за зеркало над каминной полкой. Что тут делать дальше?

Прикидывал я и так и этак в уме, пока пил грог (не спуская глаз с письма), но так ничего и не придумал. Попробовал снять комнату в доме, но шла конская ярмарка или что-то еще, и гостиница была переполнена. Пришлось устраиваться на стороне, но я денька два то и дело заходил в буфет, и письмо все лежало за зеркалом. Наконец надумал: напишу-ка я сам письмо мистеру Пиджону и посмотрю, что из этого выйдет. Написал, сдал на почту, но только я нарочно поставил на адресе вместо «мистеру Томасу Пиджону» «мистеру Джону Пиджону», посмотрим, думаю, что из этого выйдет. На другое утро (очень дождливое!), вижу, идет по улице почтальон, и я мигом в буфет, пока почтальон еще не дошел до «Щита Варвика». Входит и он с моим письмом.

— Стоит у вас мистер Джон Пиджон?

— Нет... А впрочем, подождите, — говорит девушка и достает из-за зеркала письмо. — Нет, — говорит она, — это Томасу, и он тоже у нас не стоит. Не окажете ли вы мне любезность снести это на почту, на улице так мокро!

Почтальон сказал «можно!», она вложила письмо в другой конверт, надписала, подала. Он сунул письмо в шляпу и пошел.

Я без труда разглядел новый адрес. На конверте значилось «мистеру Томасу Пиджону, Почтовая контора, Р..., Нортгемптоншир, до востребования». Я немедленно двинулся в Р...; сказал там на почте то же, что и в Б...; и опять пришлось мне ждать три дня, пока кто-то явился. Наконец приезжает другой парень верхом на лошади.

— Нет ли писем для мистера Томаса Пиджона?

— А вы откуда?

— Из Новой гостиницы, близ Р...

Письмо подают, а тот в галоп и ускакал.

Я порасспросил насчет Новой гостиницы под Р..., и, когда мне сказали, что это уединенное строение, что-то вроде заезжего двора, и стоит оно милях в двух от станции, я подумал: «Поеду и погляжу». Все оказалось как мне описывали, и я зашел поразведать, что и как. Хозяйка сидела в распивочной, и я попробовал завязать с ней разговор; спрашиваю, как идут дела, заговариваю о погоде, сыро, мол, и все такое, когда в открытую дверь я увидел в соседнем помещении — то ли гостиная, то ли кухня, — сидят у огня трое мужчин; и один из них, если судить по данному мне описанию, сам Томпсон-Улюлю!

Я вхожу, подсаживаюсь к ним, стараюсь завести приятный разговор, но они оробели... приумолкли... косятся на меня, переглядываются уж как угодно, только не любезно. Примерился я к ним, и убедившись, что они все трое крепкие ребята, каждый крупнее меня, да приняв еще в соображение, что вид у них неласковый... что дом стоит на отлете... до железной дороги — две мили... что надвигается ночь, — я решил, что не худо мне будет глотнуть для храбрости грогу. Итак, я заказал себе стаканчик — и пока я сидел у огня и попивал, Томпсон встал и вышел.

Тут еще та была трудность, что я не мог сказать наверняка, впрямь ли это Томпсон, потому что я его до тех пор в глаза не видал; и нужно мне было вполне удостовериться, что это он и есть. Так или иначе, а ничего теперь не оставалось, как последовать за ним и брать быка за рога. Я настиг его во дворе, где он разговаривал с хозяйкой. Впоследствии выяснилось, что его разыскивал за что-то еще полицейский офицер из Нортгемптона и, зная, что тот офицер (как и я) рябой, он и принял меня за него. Как я уже сказал, он, когда я подошел, стоял во дворе и разговаривал с хозяйкой. Я положил ему руку на плечо — вот так — и сказал:

— Томпсон-Улюлю, бросьте! Я вас знаю. Я сыщик из Лондона, и я беру вас под стражу за уголовное дело!

— А плевал я на вас! — говорит Улюлю.

Мы вернулись в дом, и два его товарища стали громко возмущаться, и вид их, смею вас уверить, мне не нравился.

— Отпустите человека. Что вы собираетесь с ним делать?

— Я вам скажу, что я собираюсь с ним делать. Я собираюсь отвезти его сегодня вечером в Лондон — и не быть мне живу, если я его не отвезу. Я тут не один, как вы, может быть, воображаете. Займитесь каждый своим делом и не суйтесь. Так оно для вас же будет лучше, потому что я отлично знаю вас обоих.

Я их в жизни не видел и слыхом о них не слыхал, но выпад удался: они присмирели и держались в стороне, покуда Томпсон собирался в путь. Я, однако, подумал про себя, что они, чего доброго, нагонят нас на темной дороге и попытаются отбить Томпсона; и я сказал хозяйке:

— Кто у вас тут есть из мужской прислуги, миссис?

— А никого, мы мужской прислуги не держим, — говорит она сердито.

— Но есть же у вас, полагаю, конюх?

— Да, конюх у нас есть.

— Позовите его.

Приходит молодой парень с лохматой головой.